РОМАНЫ КОННА ИГГУЛЬДЕНА

ИМПЕРАТОР

ВРАТА РИМА

ГИБЕЛЬ ЦАРЕЙ

ПОЛЕ МЕЧЕЙ

БОГИ ВОЙНЫ

КРОВЬ БОГОВ

•

ЧИНГИСХАН • ХРОНИКИ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

ВОЛК РАВНИН

ПОВЕЛИТЕЛИ СТРЕЛ

КОСТИ ХОЛМОВ

ИМПЕРИЯ СЕРЕБРА

ЗАВОЕВАТЕЛЬ

•

ГРЕЧЕСКИЕ ВОЙНЫ

ВРАТА АФИН

ЗАЩИТНИК

•

ЗОЛОТОЙ ВЕК

ЛЕВ

ИМПЕРИЯ

•

ВОЙНА РОЗ

БУРЕВЕСТНИК

ТРОИЦА

ПРАВО КРОВИ

ВОРОНЬЯ ШПОРА

•

НЕРОН

НЕРОН

ТИРАН

КОНН ИГГУЛЬДЕН

ТИРАН

АЗБУКА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
И 26

Conn Iggulden
TYRANT
Copyright © 2025 by Conn Iggulden
All rights reserved

Перевод с английского Илоны Русаковой

Оформление обложки Егора Саламашенко

© И. Б. Русакова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-31802-1

ПРОЛОГ

Рим захлебнулся звоном. Снова и снова дребезжали колокольчики в воздетых руках храмовых прислужников. Гулко раздавались тысячи ударов в горбатые бронзовые колокола. Громовые раскаты перезвона разносились по семи холмам и взмывали за высокие городские стены. Разрозненные нестройные звуки сливались, заполняя улицы, и эхом разлетались по аркадам и храмам.

Люди побросали свои дела и замерли в благоговейном трепете, — возможно, им никогда больше не услышать такого звона. Их жизнь была наполнена надеждами и трагедиями, тяжелым трудом и заботами о семье, но в то утро они вырвались из рутины. Император — женится. Еще до полудня он наденет золотое кольцо на палец женщины, чье имя в Риме знали все.

Агриппина. Дочь полководца Германика, которого они любили. Сестра Калигулы, которого они боялись. Из рода самого Августа. Агриппине было уже за тридцать, и у нее был сын. Император брал в жены не какую-то стыдливую девственницу, чтобы утешала его на склоне лет, а опытную женщину. Не зря говорят: седло и перчатки становятся удобнее со временем. Чтобы согреть постель, необязательно разводить жаркий костер. Для некоторых мужчин общество женщины может стать именно тем, в чем они нуждаются, хотя никогда прежде и не подозревали об этом. Но она сама должна подвести избранника к подобной мысли.

Юний Силан лицом к лицу встретился с преторианцами, которые среди ночи ворвались в его дом на Целийском холме. Думать о том, что следовало предпринять, чтобы избежать неминуемой угрозы, было уже слишком поздно. Они принесли железный таран и двумя ударами, как будто били в колокол, легко проложили себе дорогу. Красивейшая дверь, которая еще совсем недавно казалась такой прочной, не стала для них преградой. Да и слуги не были готовы к вооруженному нападению, тем более в темноте.

Еще до восхода солнца солдаты обыскали все помещения и наконец добрались до спальни Силана в большом доме этого богатого человека. В бледных предрассветных сумерках претор старался как мог скрыть охвативший его страх. Ему было двадцать. Он крепко сжимал в руке гладий[1]. До появления преторианцев он успел надеть мантию и сандалии, но волосы его были растрепаны после сна.

Приглядевшись, Силан распознал знаки отличия гвардии, отвечавшей за безопасность императора и его семьи. Но преторианцы словно не замечали его. Они веером разошлись по комнате, осмотрели дверные ниши и окна, чтобы удостовериться: он здесь один. Гладий в руках хозяина дома абсолютно не волновал их.

Сердце в груди молодого человека колотилось так, что он даже стал опасаться упасть при визитерах в обморок. И все же в душе шевельнулся противный червячок надежды. Они — солдаты императора, а значит, дисциплина и соблюдение закона для них не пустой звук. Он — Юний Силан — сенатор и претор, представитель закона и один из восьми самых высокопоставленных чиновников во всей империи. Его официальный титул — второй после консулов, выше которых один лишь император и никто больше.

---

[1] *Гладий* — древнеримский короткий обоюдоострый колющий солдатский меч.

Гладий задрожал в руке, и молодой человек, почувствовав себя глупо, отбросил меч на кровать.

— Я претор Юний Силан Торкват, — представился он, стараясь говорить спокойно и властно.

В спальню проник наводнивший улицы радостный трезвон колоколов. Силан ощутил кисловатый привкус во рту. Задышал медленнее. От преторианцев исходила решимость.

Его старший брат знал бы, как следует поступить. Марк был женат, у него были дети, он стал копией отца и главой всей семьи. И он уже не раз и не два вытаскивал младшего брата из разных передряг. О, если бы можно было призвать его одной только силой мысли, если бы он прямо сейчас возник в дверях спальни!

— Послушайте, — сказал Силан, — произошла какая-то ошибка. Я претор этого города и сенатор. Вы должны предоставить мне данные вам письменные распоряжения. Возможно, вы просто не поняли — это частный дом.

Слабая попытка. Но два преторианца все же посмотрели на третьего, словно ожидая ответа. Он был в форме без знаков отличия. Широкоплечий, невысокий, крепкого телосложения, старше остальных, лет пятидесяти. Многочисленные тонкие белые шрамы на предплечьях. На левой руке не хватает двух пальцев. Костяк легионов формируется из таких солдат.

Юний понял: этот человек знает, что такое настоящая жестокость, и за свою жизнь участвовал не в одной битве. Претору нечего было противопоставить физической мощи гвардейца. Люди вроде этого преторианца не склонны к сочувствию, но они и не бездушные, как камень. Они способны его услышать.

— Если здесь командуешь ты, назови свое имя, — снова начал Юний. — Кто отдал приказ ворваться в мой дом?

Руки начали подрагивать, и он сцепил их за спиной. Надо выиграть время, чтобы унять сердцебиение и подступившую тошноту.

— Претор, я центурион Секст Бурр, — ответил старший.

Его коротко стриженные седые волосы были похожи на шерсть кролика, а в черных глазах, казалось, вовсе нет зрачков. От этого взгляда Юнию стало не по себе. Но Бурр вдруг скривился, будто раскусил какую-то гадость. Что означала его гримаса? Преторианцу словно было неловко, но вдвое моложе его сенатор не мог понять почему.

Юний предпринял еще одну попытку:

— Центурион... ты будешь должен рапортовать... тебе придется объяснить свои крайне странные действия префекту Руфрию. Это ты понимаешь? Твой непосредственный командир — близкий друг семьи Силанов. И он — претор.

Лица солдат, вторгшихся в спальню, оставались бесстрастными, и хозяин начал терять терпение.

— Ты это понимаешь? Понимаешь, что это значит? Тут явно какая-то ошибка. Я претор и сенатор. Я из семьи Силанов. Если хочешь сохранить свой пост, если еще надеешься, что с тебя не спустят шкуру за все это, ты прямо сейчас заберешь своих людей и немедленно покинешь мой дом.

— Боюсь, претор, нет никакой ошибки, — спокойно ответил центурион.

Он отвел взгляд и провел ладонью по седой голове, раздался скребущий звук.

Юний почуял острый запах пота, но не был уверен, что разит от него самого.

— Что значит «нет никакой ошибки»? — переспросил претор дрогнувшим голосом и покосился на меч.

Брошенный на кровать гладий словно взывал к нему. В спальне сгущалась угроза расправы. Юний ощущал эту угрозу, видел, как переглядываются преторианцы, и прекрасно понимал, что не сможет вырваться отсюда. Страх его был ни при чем. В гвардию отбирали лучших из двадцати восьми легионов, тех, кто могли стать элитой для вы-

полнения священного долга. У них был опыт боевых сражений — вместе с остальными легионами они следили за тем, чтобы ни одна армия не могла приблизиться к границам Рима.

— Претор... боюсь, я получил четкий приказ, — заявил Бурр. — Ты повинен в кровосмешении. И я...

— В кровосмешении? — не дав ему закончить, рассмеялся Силан. — Центурион, моя мать давно мертва! Или мне пытаются предъявить обвинения в сношении с ее прахом?

— Претор, — хмуро продолжил Бурр, — обвинение связано не с матерью, оно касается твоей сестры. Я говорил с ней. Говорил и с ее мужем, тот подтвердил.

Сказав это, он смутился, и тогда Юний Силан все понял. Центурион лгал. Сам знал, что лжет, и от этого ему было мерзко. Вот если бы нащупать рычаги влияния на него...

— Я требую судебного разбирательства, которое защитит меня от ложных наветов, — твердо произнес Юний. — Моя сестра — благородная и целомудренная женщина. А ее муж... Да, я понимаю... За всем этим стоит злой умысел. Муж сестры слаб и жалок. Я же, обладая полномочиями претора, могу созвать суд. Моя сестра будет вызвана как свидетельница, и правда выйдет на свет. Даю слово.

— Претор, твою сестру отправляют в изгнание, — сказал Бурр. — Мне жаль, но... Пойми: твое положение безвыходное, пути к спасению нет. У меня прямой приказ от члена императорской семьи — сделать все тихо, без суеты. Не будет ни суда, ни публичных обвинений. Господин, ты молод, и у тебя нет детей. Но у тебя есть братья, они продолжат твой род.

И снова Юний почувствовал, что центуриону неприятно говорить все это.

— Претор, ты можешь с достоинством покончить с собой. Или же все будет... будет тяжко и гораздо больше

крови, чем ты можешь себе представить. У меня приказ, и я должен его исполнить. Поверь, будь у меня выбор, я бы предпочел тихий способ. Не хочу забивать тебя до смерти, господин. Ты молод, здоров и силен, и дело не закончится так быстро, как бы всем нам хотелось. Пойми меня, претор, какой бы способ ты ни выбрал, ты не покинешь эту комнату.

Младший из братьев Силанов вытаращил глаза на человека, который только что приговорил его к смерти.

— Я никогда не вступал в кровосмесительную связь с сестрой... — сказал он слабым голосом.

— Одного обвинения достаточно, — ответил Бурр. — А теперь, претор, я намерен одолжить тебе кинжал и надеюсь, что ты не наделаешь глупостей. Не хочу, чтобы пострадал кто-то из моих людей. Все это гнусно, но они просто выполняют свою работу.

— Ты дашь мне кинжал?.. Ждешь, что я перережу себе горло? Смиренно уйду из жизни только потому, что ты вломился в мой дом и потребовал, чтобы я сделал это?

— Тише, не нужно кричать.

Бурр неожиданно шагнул вперед и оказался лицом к лицу с Юнием. Молодой человек стоял возле кровати и, даже если бы хотел отступить, не смог бы этого сделать.

— Это честь, претор, — сказал Бурр, — учитывая твое положение и богатство. Да и влияние твоей семьи, конечно, имеет немаловажное значение. Если ты вскроешь себе вены или перережешь горло, твоя сестра будет мирно жить в изгнании, и на том все закончится. Семье скажут, что ты покончил с собой, чтобы избежать позора. Понимаешь? Я получил приказ от императорской семьи. Пути к отступлению нет, и отсрочки не будет. А у меня в это утро нет времени на препирательства. Сейчас я вложу в твою руку острый кинжал. Человек твоего положения заслуживает такой милости.

— Это какое-то безумие, — срывающимся голосом ответил Юний. — Обвинение в кровосмешении... вздор. — Он нахмурился. — И оно слишком серьезное, не может быть глупой ошибкой какого-нибудь писца. Говоришь, императорская семья? Я помолвлен с единственной дочерью императора! Как только Октавия достигнет совершеннолетия, мы поженимся! Я — член императорской семьи! Скоро им стану. О боги, центурион, остановись и немного подумай! Разве это так сложно? Что, если ты пришел не в тот дом и тебе назвали не то имя?..

Юний умолк, потому что Бурр достал из ножен устрашающего вида кинжал с широким лезвием. Клинок легионера. Таким можно без труда срубить молодую сосну, а не только перерезать горло.

Лезвие сверкнуло в рассветных лучах. Юний отпрянул. Он понял причину и словно окаменел.

— Вот оно... Я прав, да? Дело в помолвке. Марсом клянусь, так и есть! За всем стоит эта окаянная женщина. Император запутался в ее подоле, и сегодня она выходит за него замуж.

Звон раздавался все громче, и Юний Силан сорвался на крик:

— Поэтому бьют в эти проклятые колокола!

Он медленно сел на кровать.

Бурр протянул ему свой кинжал:

— Мне жаль, претор, поверь.

Центурион действительно был огорчен, но остался непреклонен, ничего не изменилось.

И тогда Юний понял: не будет никакого дарованного в последний миг спасения. Старший брат Марк узнает обо всем только после его смерти и не сможет ничего предпринять, потому что так задумала жена императора. Клавдий женится сегодня утром, и если она приговорила младшего Силана к смерти, это будет ее свадебным подарком.

— Дай мне немного времени, — попросил Юний. — Ровно столько, чтобы я написал моей семье. Сделаешь это, и я приму кинжал и вскрою себе вены.

— Претор, я должен вернуться на Палатин, — ответил Бурр.

Он бросил взгляд на небольшой столик, где лежали письменные принадлежности: пергамент, сургуч, брусок чернил. Рядом стоял маленький кувшин с водой из Тибра. Ночная лампа была закрыта шторками, и над плошкой с маслом подрагивал язычок пламени.

Преторианец скривил губы, решая, как поступить.

— Прошу, — сдавленным голосом сказал Юний.

Он уже понял, что спасения нет, но еще не смирился с этим, и центурион видел страх в его глазах.

— Хорошо, — согласился Бурр.

Получив этот приказ, он думал, что привычно исполнит его, как и множество других. Дать претору возможность покончить с собой и тем самым избавить семью от позора — куда уж проще.

Бурр мотнул головой, и Юний присел к столику. Забыв о кувшинчике с водой, молодой человек плюнул на чернильный брусок и поводил по нему скребком, пока не получил нужную для письма жижу.

Центурион не верил, что Юний виновен, но это ничего не меняло. Он дал клятву, его долг — защищать семью императора и подчиняться приказам. Конечно, Агриппина не была полноправным членом этой семьи до тех пор, пока Клавдий не взял ее в жены. Вот что имело значение и определяло вину Силана. А что Бурр? Он не знал, кого Агриппина решила выдвинуть в преторы, а кого прочила в женихи императорской дочери. Более того, он не был уверен в том, что она, как обещала, поспособствует его продвижению по службе. Бурр понимал: его жизнь во многом зависит от случая и чужой милости, как и у этого мо-

лодого человека, который исписывал страницу за страницей чернилами вперемешку со слезами. Агриппина же постигла природу власти и умела пользоваться ей и на словах, и на деле.

Спустя, казалось, целую вечность центурион положил руку на плечо Силана:

— Сынок, заканчивай уже это письмо. Как по мне, ты написал достаточно.

Юний поставил размашистую, похожую на спираль подпись и сложил пергамент. С легкостью давней привычки он открыл маленькую лампу, удлинил фитиль, провел восковой палочкой сквозь пламя, из капель расплавленного воска сформировал на сложенном письме кроваво-красное пятно размером с монету и, пока воск не высох, припечатал его перстнем.

— А теперь дай свой кинжал, — сказал Юний Силан.

Центурион кивнул и протянул ему оружие рукоятью вперед. Солдаты были начеку, наблюдая за ними. Их командир передавал молодому претору клинок, и в комнате ощущалось присутствие смерти. Один из них облизнул губы, будто в предвкушении. Да, это было лучше, чем нести скучную службу в казармах или сдерживать толпы горожан во время проезда императорского кортежа по Риму.

Гул колоколов за окнами усилился — казалось, теперь уже звенел сам город.

Бурр стоял совершенно неподвижно. Молодой человек с кинжалом в руке поднялся на ноги.

— Даже не пытайся, — предостерег его центурион.

Юний кивнул, но внезапно шагнул вперед так быстро, как это может сделать молодой, доведенный до отчаяния мужчина. Бурр дернулся уклониться — и замер, ощутив у горла острие собственного кинжала. Этот парень бросился к нему, как кобра, а центурион, говоря по правде, уже

много лет не участвовал в настоящих сражениях. Бурр почувствовал, как щеки заливает горячий румянец. Но прежде чем он успел вымолвить хоть слово, Юний убрал кинжал от его горла и поднял руки, давая понять, что сдается.

— Просто хотел, чтобы ты знал, — сказал он, пожимая плечами, — я бы легко мог забрать тебя с собой.

Бурр на мгновение зажмурился. Его охватил безудержный гнев. Мальчишка! Только сопляк способен на такой бессмысленный финт!

Центурион провел пальцем по шее и увидел на нем красный след. Бурр лично затачивал свой клинок. Боги свидетели, в тот момент он был восхищен молодым претором за его выходку на грани безумия.

Бурр предпочел молча кивнуть в ответ. Он полагал, что на обратном пути в казармы солдаты будут над ним посмеиваться. Проклятье, мужчина пятидесяти лет не может соперничать в ловкости с двадцатилетним! Уж они-то должны это понимать. Бурр нахмурился. Ему ничего не стоило одним ударом кулака сбить с ног любого из них.

Преторианцы, уловив свирепое выражение лица центуриона, беспокойно переглянулись. Бурр заметил это и, шумно дыша, как старый бык, кивнул сам себе: вот и хорошо, эти болваны должны бояться его гнева.

— Я... — начал он и осекся.

Глаза Силана расширились от страха и отчаяния, а у Бурра не было слов, которые могли бы облегчить его страдания.

— Сынок, время вышло.

Претор приставил клинок к левому запястью и с силой полоснул. Из глубокой раны хлынула кровь. Молодой человек вскрикнул и попытался переложить кинжал из правой руки в левую. Но рука повисла, и кинжал выскользнул из окровавленной ладони. Юний, пошатнувшись, опустился на кровать, а Бурр успел подхватить оружие.

Глаза претора потемнели. Центурион наблюдал. Юний видел, как на него надвигается нечто, и пытался отвернуться от этого.

Бурр, понимая, что это надолго, мысленно проклял все на свете. Молодой здоровый мужчина будет цепляться за жизнь и не примет неминуемую смерть так просто. Центурион не мог допустить этой невыразимой муки и потому сам рассек кинжалом правое запястье претора.

Кровь впитывалась в простыни, окрашивая их красными разводами. Юний завалился на бок. Дыхание его замедлилось, а потом и вовсе прекратилось.

Бурр выждал еще немного и мрачно произнес:

— Все кончено.

Он подумал, что его люди начнут обмениваться шуточками о нем. Но преторианцы увидели, как он сверлит их взглядом, и прикусили языки. Они молча наблюдали за тем, как он сжег над лампой письмо молодого претора. А после они все вместе покинули поместье Юния Силана.

Над Римом продолжали звенеть колокола.

Возвращаясь на Палатин, Бурр чеканил шаг так, будто хотел на этом марше стоптать пару своих новых сандалий. Солдаты обеспокоенно переглядывались, но ему было на это плевать. Главное, он в точности исполнил данный ему приказ.

В Риме действительно случалось, что какой-нибудь сенатор предавался гнусным извращениям, спал не с той женой или же переходил дорогу не тому человеку. Но затем, и Бурр прекрасно об этом знал, не следовало никаких взаимных обвинений до той поры, пока весь город не начинал шептаться о позорном проступке того или другого высокопоставленного римлянина. И вот тогда ему давали кинжал или яд и советовали предпочесть самоубийство позору. Так заведено в Риме! До этого утра Бурр считал такой

подход разумным. Некоторые дела лучше решать по-тихому, так, чтобы плебеи не расчухали грязных подробностей. Да, ради достоинства императора или Сената такие действия могут быть оправданны. И дело вовсе не в соблюдении закона. Это высшая или, наоборот, более глубокая справедливость.

Центурион не забыл старого сенатора, который убивал рабов ради забавы. Тогда Бурра, еще совсем молодого преторианца, послали к нему в дом. Старик с презрением заявил, что имеет право делать со своими рабами все, что заблагорассудится. Он отказался вскрыть себе вены. Но смерть все равно настигла его быстро — преторианец задушил его.

Молодой Бурр надолго потерял сон. Но вместе с тем опытом к нему пришло осознание: быть преторианцем — это нечто большее, чем участие в парадах и плюмажи на шлемах. Помимо всего прочего, это еще и обязанность выполнять грязную работу на благо императора.

Бурр стиснул зубы. Если бы он знал, что тот случай остановит его продвижение по службе на целых двадцать пять лет, он бы наверняка притворился больным. Год за годом он наблюдал, как менее достойные люди поднимались по служебной лестнице, а Руфрий стал префектом его любимого легиона. И все из-за того, что когда-то Бурр сомкнул руки на шее старого сенатора. Центурион старался быть хорошим солдатом и человеком, но несправедливость разъедала его изнутри. Он исполнил приказ, избавил старого пса от мучений, а Рим в ответ забыл о его существовании.

Было время, когда старшие по званию называли молодого Бурра восходящей звездой, отмечали его живой ум и смекалку. Признавали в нем будущего лидера. Но все это исчезло, как утренний иней.

А потом она нашла его.

Преторианцы подошли к Палатину, и Бурр посмотрел наверх. Она была там, в храме Юноны, сочеталась браком со своим сутулым и тщедушным избранником, с императором-заикой Клавдием.

Бурр слышал, что персы и евреи рассказывали об ангелах, и, когда Агриппина пришла к нему, он подумал, что она одна из них, из этих ангелов. Она дала ему шанс искупить вину и обещала милость императрицы. Об этом он мечтал все прошедшие годы, наблюдая за тем, как самодовольный Руфрий толстеет и уже с трудом застегивает ремни на униформе префекта. Искупление. Еще один шанс.

У Бурра защипало глаза, он сморгнул. Стоило ему закрыть их, как он видел того глупого мальчишку, который, ради того чтобы хоть на мгновение вернуть себе достоинство, с бравадой приставил кинжал к горлу многоопытного центуриона. Это было настолько бесполезно, что Бурр даже захотел по-отечески обнять парня.

Он уже забыл, что такое быть молодым. А когда оставил Юния Силана лежать на кровати со вскрытыми венами, ни на миг не ощутил, что искупил былой проступок.

1

Император читал, а его жена стояла рядом. Агриппина знала, что Клавдий способен с удивительной скоростью поглощать исторические хроники — просто проводил пальцем сверху вниз по странице и, дойдя до последней строчки, отбрасывал ее в сторону.

Клавдий заикался, порой буквально застревал на одном слове, и в такие моменты его можно было счесть за глупца, но глупцом он точно не был. И на императора он был похож, только когда сидел неподвижно, а вот когда двигался... Он шаркал ногами, прихрамывал, и его большущая голова покачивалась на тонкой шее при каждом шаге.

Агриппина говорила мужу, что это тяжесть великих мыслей пригибает его к земле и вызывает боли в спине. Но все было гораздо прозаичнее. Неудачные роды. Клавдия принимала не римская матрона, а какая-то галльская повитуха из захолустья, и в процессе она перекрутила тельце младенца.

— Все еще читаешь? — спросила Агриппина.

Ее новый муж не был наивным дурачком, как считал Калигула. Брат Агриппины превратил его в придворного шута и всячески унижал на глазах у сенаторов и рабов, а Клавдий смиренно принимал все удары, тычки и насмешки. Но именно благодаря своему долготерпению он и выжил при дворе Калигулы, в то время как многие погибли или попросту исчезли.

Судьба и власть имущие одного за другим лишили жизни всех родных Агриппины. И вот наконец наступил день, когда она, прекрасная, как само лето, стала императрицей.

— Скоро з-закончу, — ответил Клавдий.

Агриппина кивнула и даже бровью не повела.

Раньше ей казалось, что она перестанет реагировать на его заикание спустя несколько месяцев после свадьбы. Но реальность была похожа на скрежет ворот в шквалистый ветер. Голос мужа раздражал Агриппину, однако Клавдия нельзя было перебивать или подталкивать к тому, чтобы он поскорее закончил фразу, и это требовало от нее немалых усилий. А в тех случаях, когда терпение ей изменяло, он возвращался к своему давнему образу смиренного мужчины. Но Агриппина знала, что старые раны не зажили, а накопленный яд кипит и готов в любой момент выплеснуться наружу.

Клавдий был сложнее, чем ее прежние мужья. Его власть была абсолютной, и все же порой она могла вести его за собой, как ягненка на веревочке. Их отношения можно было назвать танцем или спором. Клавдий восхищался красотой Агриппины и ее умением доставлять наслаждение, а она умела обратить это в свою пользу. Муж реагировал на ее прикосновения, как жеребенок на первую уздечку. Он смотрел ей в глаза с удивлением, и однажды она захотела осознать свое отражение, увидеть то, что только он один и смог рассмотреть.

Агриппина гладила мужа по голове, когда он уставал, и это было больше, чем просто утешение. Клавдий старался радовать жену и потому давал ей все, чего она желала, как, например, сейчас — усыновить ее сына, сделать Луция членом императорской семьи. А она за это вела с ним долгие разговоры, терпела его заикание, от которого на самом деле криком хотелось кричать, помогала строить

Иггульден К.

И 26 Тиран : роман / Конн Иггульден ; пер. с англ. И. Русаковой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 480 с. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-31802-1

Став женой императора Клавдия, первая красавица Рима Агриппина уже в день свадьбы начинает устранять тех, кто способен помешать исполнению ее заветной мечты — сделать правителем империи ее собственного сына. Ей удается уговорить мужа не только усыновить Луция, но и назначить его наследником. Подросток получает новое имя — Нерон. Но он не отличается дисциплиной и благородством, поэтому Клавдий возвращает из изгнания Сенеку — философу-стоику отведена роль учителя и воспитателя будущего императора.

Агриппина, энергично помогая Клавдию в делах управления государством, продолжает вести свою игру, добиваясь для себя высочайшего титула императрицы. Ради возможности самой вершить судьбы мира она идет даже на убийства. Но готов ли Нерон делиться властью или видит в амбициях матери угрозу своему положению?

Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

КОНН ИГГУЛЬДЕН

ТИРАН

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Редактор Татьяна Щигельская
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Гузель Зайдуллина, Ольга Золотова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 19.10.2026.
Формат издания 60 × 88 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 29,4. Заказ № .

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»
в г. Санкт-Петербурге,
195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Санкт-Петербор қ.,
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербор,
Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Отпечатано в России.

www.azbooka.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: https://certification.atticus-group.ru/

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

Y-BBH-41072-01-R